

ПРЕОБРАЗОВАТЬ МАРКСИЗМ, СЛЕДУЯ МАРКСУ

Николай Сергеевич Розов (nrozov@gmail.com)

Институт философии и права сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Цитирование: Розов Н.С. (2018) Преобразовать марксизм, следуя Марксу. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(5): 24–43.

<https://doi.org/1031119/jssa.2018.21.5.2>

Аннотация. Марксизм остается живым учением, а значит может и должен меняться. Выделены главные интеллектуальные стратегии К. Маркса и Ф. Энгельса: 1) критика мейнстрима, устоявшихся и популярных воззрений; 2) смелое соединение далеких друг от друга идейных течений, которые могут казаться несовместимыми; 3) использование и включение в теорию новейших научных концепций. Применение этих стратегий к самому марксизму предполагает критику его философских и теоретических оснований, соединение марксистских идей с моделями и теориями других макросоциологических традиций, которые казались не совместимыми с марксизмом (прежде всего веберизм и дюркгеймизм); использование новейших научных знаний, в частности в сферах социальной эволюции, экономического обмена и рынков, теории генезиса и развития государств, социальных кризисов и революций. Подвергнув критике основные аргументы марксистского тезиса о социально-экономическом характере «базиса» при отнесении политики, государства и всей духовной, культурной сферы к «надстройке». Анализ имплицитно скрытых социальных отношений собственности показывает фундаментальный характер не только порядка, отношений власти и насилия, подкрепляющих собственность, но и нормативных культурных образцов и психологических установок. Технологический прогресс теряет статус главного движителя исторической динамики и социальной эволюции. Социальные революции действительно нередко устраняют ставшие неадекватными политические формы, но не являются ни единственными, ни главными факторами таких перемен. Государство вовсе не «орудие» класса эксплуататоров (феодалов, капиталистов). Государство и государственный класс (чиновники) — это почти всегда самостоятельный субъект со своими интересами, картинами мира, ресурсами. Марксизм сохранит свою популярность, поскольку твердо ассоциируется с борьбой за социальную справедливость, против классового неравенства, эксплуатации человека человеком, порабощения. Обновленный согласно стратегиям К. Маркса, то есть расширенный, углубленный и избавленный от ошибок, марксизм послужит лучшей основой как для дальнейшего развития социальной теории, так и в качестве идейного основания в борьбе за справедливое устройство общества и мирового порядка.

Ключевые слова: марксизм, социальная онтология, экономцентризм, политэкономия, базис и надстройка, отношение собственности, роль насилия в истории, сущность государства, технический прогресс, социальная справедливость.

Марксизм жив, значит, способен к обновлению

Если советская рецепция марксизма страдала известным догматизмом, то в постсоветской социальной философии и социальных науках марксизм чаще всего игнорируют, замалчивают, притом что сохраняются группы верных этому учению и не терпящих какой-либо его критики. Хуже всего обстоит дело с развитием марксизма. Если в прежнюю эпоху неомарксизм расценивался как вредный «буржуазный ревизионизм», то теперь весь (нео)марксистский дискурс нередко считается «старой шляпой», не стоящей внимания и даже упоминания.

В то же время в западной науке К. Маркс сохраняет высокую репутацию социального мыслителя, учение Маркса и Энгельса считается одним из столпов современной макросоциологии, наряду с концепциями Э. Дюркгейма, М. Вебера, Г. Зиммеля, Й. Шумпетера, Н. Элиаса.

Живое отличается от мертвого тем, что способно стать другим, так говорил М. Мамардашвили на своих лекциях во ВГИКе, которые автору этих строк довелось прослушать. Если учение Маркса живо, оно должно меняться. Но в какую сторону? По какому принципу?

Учтем, что сами Маркс и Энгельс кардинальным и плодотворным образом революционизировали социальное познание (возможно, даже более радикально, чем все остальные до и после них), а значит целесообразно присмотреться к применявшимся ими интеллектуальным стратегиям. Выделим три важнейших:

1) критика мейнстрима, устоявшихся и популярных воззрений; хорошо известна критика Марксом и Энгельсом учений Гегеля, Фейербаха, Штирнера, Дюринга, Прудона, Бауэра и др. Все критикуемые были признанными интеллектуальными звездами, популярными властителями дум, прославившимися своими философскими и социальными идеями;

2) смелое соединение далеких друг от друга идейных течений, которые могут казаться несовместимыми; те, кто сейчас протестует против якобы «незаконной» гибридизации марксизма, например, с фрейдизмом, структурализмом или постмодернизмом, забывают о том, что самым смелым «гибридизатором» был сам Маркс, соединивший абстрактную идеалистическую диалектику Гегеля, философский материализм (от Демокрита и Эпикура до Фейербаха), английскую моралистическую и позитивистскую политэкономия Смита и Риккардо и утопический социализм Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Все еще находясь под впечатлением статьи В.И. Ленина о «трех источниках», мы относимся к такому соединению как нормальному и даже закономерному. Однако правильнее по достоинству оценить

его радикальную смелость, показывающую оправданность и плодотворность интеграции, казалось бы, несоединимого.

3) использование, включение в теорию новейших научных концепций. Здесь перечисление заняло бы много места, поэтому укажу только на внимание Маркса к новейшим историко-экономическим трудам, статистике, включение Марксом и Энгельсом новейших на то время эволюционных идей Ч. Дарвина, антропологии Л. Моргана.

Применение этих стратегий к самому марксизму предполагает критику его философских и теоретических оснований, соединение марксистских идей с моделями и теориями других макросоциологических традиций, которые казались не совместимыми с марксизмом (таковы прежде всего веберизм и дюркгеймизм); использование новейших научных знаний, в частности в сферах социальной эволюции, экономического обмена и рынков, теории генезиса и развития государств, социальных кризисов и революций.

Учение Маркса многослойно

Удачно обозначил иерархию абстрактности этих слоев американский макросоциолог Артур Стинчкомб:

- *общие идеи об онтологии, причинности и гносеологических предпосылках*, касающиеся того, что может считаться фактом, какие формы логической аргументации принимаются как достоверные. Так, «общий аргумент Маркса о том, что материальный мир существует и все наблюдаемые явления имеют материальные причины, есть пример такого уровня» (Stinchcombe 1987: 48-49);

- *представления о видах причин и причинных структурах*, используемых при объяснении разнообразных явлений. Сюда относится, в частности, Марксово представление о том, что общественные отношения в производительных деятельности создают интересы и мотивы, которые люди переносят в другие сферы жизни; здесь имеются в виду философские онтологические основания и общенаучные основания (Stinchcombe 1987: 49; Розов 2002);

- *широкие различия классов явлений*, каждый из которых имеет особый тип объяснений, либо явления одного класса считаются причинами явлений другого класса. Маркс различал множество властных отношений и права собственности («отношения собственности на средства производства», или «производственные отношения»), которые, по его мнению, имели большое число эффектов и, в свою очередь, были систематически обусловлены исторической стадией экономического развития;

- *идеи о том, что причины явлений одного широкого класса, вероятно, служат переменными в другом широком классе явлений.* Маркс утверждал, что большая часть политических явлений должна быть объяснена отношениями собственности;

- *объяснительные теории,* состоящие в том, что одна отдельная переменная широкого класса явлений объясняет отдельную переменную (или множество переменных) в другом классе явлений. Например, Маркс утверждал, что бонапартизм («популистская диктатура», как мы назвали бы ее сегодня) был обусловлен преобладанием «мелкобуржуазного» способа производства (характеризуемого представителями малого бизнеса и мелкими фермерами). Он считал, что мелкий буржуа (особенно вышедший из крестьян) одновременно стремился к уравнительности и имел трудности в организации класса, нуждаясь, таким образом, в демократически ориентированной диктатуре (Stinchcombe 1987: 50);

- *эмпирические следствия из теорий,* описывающие наблюдения, которые могли бы быть сделаны, если бы теория была верна. Так, Маркс утверждал, что если мелкобуржуазное производство приводит к бонапартизму, то Луи Бонапарт во Франции должен был иметь сильную поддержку со стороны мелкобуржуазных групп. Современные марксисты могли бы утверждать, в свою очередь, что развитие бонапартизма в Египте или Мексике тоже будет поддержано мелкими крестьянами и мелкими бизнесменами, Стинчкомб, однако, отмечает, что в действительности диктатуры в этих странах наиболее широко поддержаны пролетариатом, что подрывает тезис Маркса;

- *суждения проверки,* то есть утверждения, что наблюдения в отдельном случае поддерживают или отвергают эмпирическое уточнение теоретических положений. К этому ряду относятся Марксовы утверждения о том, что фактически мелкобуржуазные группы поддержали Луи Бонапарта. Стинчкомб указывает, что поддержка Луи Бонапарту была оказана вовсе не мелкобуржуазной массой, а крупным бизнесом и крупными землевладельцами.

Заметим, что в части наиболее абстрактных слоев Стинчкомб вполне благожелателен к идеям Маркса, никак не возражает ему. Начиная с *объяснительных теорий* уже появляются контраргументы и возражения, основанные на фактах. Здесь не место обсуждать поистине необъятный объем теоретических и фактологических суждений Маркса, оценивать их достоверность, сопоставлять с результатами современных исследований. Будем говорить только о принципиальных идеях Маркса и марксизма в макросоциологии и социальной философии.

Экономцентризм как объект критики

Марксистский тезис о том, что большая часть политических и «духовных», «идеологических» явлений должна быть объяснена производственными отношениями, — краеугольный камень экономцентризма. При делении сфер социально-исторического бытия на «базис» и «надстройку» (нем. *Überbau*, англ. *superstructure*) в первый попадают производительные силы, отношения собственности на средства производства, экономические классы, а во вторую — политика, государство, насилие, «общественное сознание» (материалистический аналог «духа» в немецком идеализме). Основная аргументация этого важнейшего для марксизма тезиса включает следующие компоненты:

1) изначально были только сообщества индивидов, воспроизводившихся не только физически (через деторождение, как все животные), но и через материальное производство и соответствующие отношения. Такова историческая первичность, ей должна соответствовать логическая первичность анализа. Неявно на этом основана и онтологическая первичность: действительно, все остальное в истории появляется и исчезает, а материальное производство неизбежно* (правители осуществляют власть и насилие всегда с помощью каких-то материальных средств, прежде всего оружия и пользуясь богатством, поскольку армию, полицию, чиновников надо кормить, содержать. Все эти средства произведены в сфере экономики, а любое богатство изначально появилось благодаря труду, производству; отсюда первичность, «базисность» экономической сферы. Об этом в разных работах писал Маркс, но наиболее ярко эти мысли выразил Энгельс в главе о насилии в своем «Антидюринге»;

2) благодаря неуклонному техническому прогрессу развиваются производительные силы, вслед за ними меняются производственные отношения, тогда как политические формы ригидны, перестают быть адекватными этой паре и подвергаются слому в ходе социальных революций — таков центральный тезис знаменитого Предисловия к «Критике политической экономии» Маркса;

3) государство является орудием господствующего класса для подавления класса эксплуатируемых, а интересы эксплуататоров — экономические;

4) «сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни» («Немецкая

* См.: Маркс К. «Предисловие к критике политической экономии»; Маркс К., Энгельс Ф. «Немецкая идеология».

идеология»); поскольку в жизни базовый характер имеет производство материальных благ и экономические отношения (см. выше), значит сознание, идеи, религии, идеологии и прочее также входят в «надстройку» и определяются этим экономическим «базисом».

Следует признать, что все эти аргументы выглядят убедительно. До сих пор для многих марксистский экономцентризм остается непререкаемой истиной. Даже такой глубокий и широко эрудированный социальный мыслитель, как А. Стинчкомб, не нашел, что возразить. Однако серьезные возражения и дополнения есть по каждому пункту. Рассмотрим их последовательно.

Первобытность не менее социальна и культурна, чем последующие эпохи эволюции

Представление о начальной стадии существования человечества — первобытности — как о материальном воспроизводстве жизни с изготовлением орудий труда вкупе с сугубо экономическими отношениями является ошибкой, вернее, такой абстракцией, которая вводит в заблуждение. Верно, что люди всегда приспосабливались к экологическим условиям окружающего ландшафта. Однако разнообразие форм их общения и взаимодействия отнюдь не определялось производственными отношениями. Типы солидарности, связанные со сложными системами родства и порядками заключения браков, половозрастные иерархии, правила поведения и табу, племенные тотемы, мифы, ритуалы, отношения конфликтов и союзов с соседями, борьба за территории, договоренности о границах угодий, вытеснение слабейших, расселение — вся эта сложность отношений отнюдь не детерминирована материальным производством. При сходных производственных уровнях и укладах наблюдается широкое разнообразие социальных форм, и наоборот, сходные социальные, политические формы (семья, род, бигмен, чифдом) могут сосуществовать весьма различным производственным укладам (Джонсон, Эрл 2017).

Действительно, «орудия труда» (изначально — охоты, рыбной ловли, собирательства) всегда должны соответствовать условиям окружающей среды. Но почему данное сообщество попало в этот ландшафт? Отмечаем романтическую жажду странствий и стремление к перемене мест. Люди меняют привычную среду обитания, только когда она перестает быть комфортной и становится опасной, неприемлемой. Поскольку в первобытную эпоху люди были слишком малочисленны и слабы, чтобы портить среду обитания, то главными факторами расселения по планете остаются два: демографическое давление, откуда нехватка пищи, и геополитическое вытеснение: более многочисленные и воинственные стгоняют слабых

с кормящей территории на окраины, вынуждая преодолевать их пустоши, горы, пустыни, проливы, даже моря и океаны.

Нет сомнений, что взаимодействие человека с природой, материальным миром, создание людьми вокруг себя рукотворной «второй природы», производство благ — это необходимая и неизбежная часть человеческого существования. Основательное философское утверждение этого тезиса остается одной из главных заслуг Маркса и Энгельса. Но эту истину следует отличать от экономцентризма. Демография, геополитическая динамика, связанная с борьбой за землю, расселение, борьба за власть и влияние внутри общества, создание и распады союзов на основе родства, соседства, языковой и культурной близости, военно-стратегических интересов — все эти сферы взаимодействий, во-первых, не менее древние, чем производство орудий, во-вторых, не детерминированы материальным производством, в-третьих, сами порождают условия и мотивы для того или иного типа производства (Дьяконов 2007; Джонсон, Эрл 2017). Поэтому данный марксистский аргумент экономцентризма ошибочен и должен быть отвергнут.

Убежденные марксисты, сталкиваясь с возражениями такого рода, обычно ссылаются на положение об «обратном воздействии надстройки на базис». Однако принятый порядок дара-отдара, обмена, взносов в общие запасы, дани вождю, землевладельцу, религиозной общине или церкви, воздействие государственного налогообложения, рыночного спроса, военных потребностей и так далее детерминируют характер производства ничуть не менее, а зачастую гораздо более, чем характер производительных сил и производственных отношений. Поэтому подобная оговорка никак не спасает положение. Корректное решение просто и радикально: вовсе отказаться от схемы «базис/надстройка», заменить ее на взаимодействие нескольких автономных динамических сфер, состав и отношения между которыми обсудим далее.

Что первично: собственность или насилие?

Верному пониманию этого вопроса помешал Евгений Дюринг, который весьма неудачно обосновал первичность насилия через некий изначальный акт утверждения господства, представленный через метафору Робинзона и Пятницы. Гораздо более исторически подкованный и социологически подготовленный Ф. Энгельс в своих главах о насилии («Антидюринг») столь успешно и убедительно разгромил слабые аргументы Дюринга, что марксисты по сию пору в каждом споре о роли насилия в обществе и истории ссылаются на эти главы. Доводы Энгельса кажутся им настолько безупречными, что дальнейшие дискуссии они считают излишними. И напрасно.

Лейтмотивом аргументации Энгельса является всегдашнее присутствие в политическом господстве (в том числе посредством насилия) произведенного оружия и материальных ресурсов, позволяющих содержать силы принуждения. Однако ни Дюринг, ни Энгельс не анализируют саму социальную природу отношения собственности, принимая его как простое и очевидное: «господин имеет оружие», «монархи, знать, государство имеют материальный ресурс (продовольствие, деньги) для содержания вооруженных отрядов».

Однако «владеть», «иметь в собственности» — это отнюдь не простое бинарное отношение между 1) *собственником* и 2) *предметом собственности*. Теперь, уже основываясь на веберовских идеях, добавим к указанным двум позициям следующие: 3) *остальные люди* (кто может претендовать на этот предмет, не владеет им), 4) *центр власти и силы*, 5) *авторитеты* (мудрец, совет старейшин, суд), к которым апеллируют при конфликте, и 6) *писаная или неписаная норма* (обычай, принцип, закон), часть социального и ментального порядков, на которую ссылаются для подтверждения своих прав собственности и на основе которой авторитет выносит решение, а центр силы действует для восстановления нормы в данной ситуации.

Позиции 4 и 5 могут быть совмещены в правителе, который и вершит суд, и обладает силой исполнения приговора. Структура отношений может быть, напротив, более сложной, когда позиция 4 разделяется на политическую власть и орган, способный к прямому физическому насилию. В любом случае указанные позиции неустранимы. Структура собственности еще более усложняется при наличии нескольких противоречащих друг другу норм, двух и более авторитетов, центров власти и силы и т. д.

Что означает такая структура в плане социальной онтологии? Собственность оказывается не простым «натуральным» отношением, а весьма сложным, включающим возможность апелляции к политической власти, авторитету, которые обычно подкреплены способностью применять насилие или призывать соответствующую инстанцию (организованную и обученную вооруженную силу). То есть *в самой социальной сущности собственности уже присутствуют власть и насилие*.

Сюда же включены авторитет и норма — символические моменты морального, религиозного, правового порядка (институциональности) образуют представления о «справедливости», «легитимности» владения. Авторитет и норма относятся уже к сфере святынь, сакральных объектов и ценностей, а значит здесь мы обращаемся к традициям Дюркгейма и аксиологии, начавшейся с традиции Виндельбанда, Риккерта, Шелера.

В реальной жизни иногда обходятся и без символического компонента, когда бандитами или завоевателями используется только «голое право силы». Однако такая собственность всегда остается конфликтной, «нелегитимной», неустойчивой. Каждый, кто пытается сделать ее прочной и долговременной, должен так или иначе оправдывать ее, особенно перед другими центрами власти, силы и авторитета, а значит апеллировать к той или иной норме, заручаться поддержкой авторитета и институтов.

Следует ли из сказанного, что «базис» составляют власть, насилие, символическая нормативность, а экономическое отношение собственности отсылается в «надстройку»? Такой взгляд не верен, и для его опровержения вполне годятся классические аргументы Энгельса против Дюринга. Решение же остается прежним: схему «базис/надстройка» следует отвергнуть, а место ее должны занять сложные порядки взаимодействия между сферами производства, собственности, богатства (экономика), власти, господства, влияния (политика), физического воздействия, разрушения, безопасности (сфера насилия, внутреннего порядка и геополитики), моральных, религиозных и правовых норм, святынь, ценностей, принципов (символическая сфера, духовная культура). Собственно, через этот анализ мы пришли к классической веберовской структуре, которую Майкл Манн обозначил как четыре главных источника могущества (Mann 1987).

Технический прогресс значим, но сам объясняется социальными факторами

Вряд ли нужно спорить с тезисами о неуклонности технического прогресса, соответствующего развития производительных сил, изменения производственных отношений при инертности, ригидности политических форм. Возражение вызывает единственность и главенство фактора технического прогресса.

Демографическая динамика, геополитическая динамика с войнами, созданием и распадом коалиций, объединением и разделением государств, обретением и потерей отдаленных провинций и колоний (Mann 1987; Тилли 2009; Скочпол 2017), межсословные, религиозные и межэтнические конфликты, расширение и надстраивание рынков (Коллинз 2015: 304–354), их кризисы, а также автономная динамика символической, культурной сферы с подъемами, распространением, спадами религиозных, моральных, философских, социально-утопических, реформистских идей, включая развитие социальных и гуманитарных наук (Коллинз 2002; Розов 2016) — все это оказывает огромное влияние на сознание правителей, элит и широких масс, а значит и на сферы деторождения, политики, войны и мира,

рыночного спроса на товары и услуги, на сами мотивы и интересы изобретательства в технологиях.

Таким образом, технологический прогресс теряет статус главного движителя исторической динамики и социальной эволюции. Он остается весьма важным фактором, но лишь среди иных, не менее значимых драйверов изменений.

Развитие производительных сил, социальные революции на основе классовых конфликтов в современной макросоциологии следует признать весьма существенными факторами, но только наряду с остальными, среди которых не менее (если не более) фундаментальный характер имеют демография, геополитическая динамика, рыночная динамика, религиозные и этнические конфликты, автономное развитие символической сферы.

Государство не является «орудием» класса эксплуататоров

В современной макросоциологии признано, что государство и государственный класс (чиновники) — это почти всегда самостоятельный субъект со своими интересами, картинами мира, ресурсами (Moore 1966; Голдстоун 2015; Коллинз 2015; Скочпол 2017). Действительно, для каждого государства наряду с отношениями со своим населением, элитами есть не менее (а зачастую более) важные отношения с другими государствами (сферы геополитики, геоэкономики и геокультуры).

В истории были редкие случаи исключений из этого правила. В частности, в Венецианской республике реальная власть принадлежала богатым коммерсантам, объединенным в выборные коллегиальные органы (Большой Совет, Совет Сорока, Совет Десяти и др.), которые успешно ограничивали власть верховного Дожа. Фактически государственный аппарат полностью подчинялся коалиции глав основных коммерческих родов и кланов Венеции. Сходным был период XVII–XIX вв. для Великобритании, где реальная власть принадлежала парламенту и образованному им правительству, а обе палаты включали представителей главных ресурсодержателей — знатных землевладельцев и буржуазии.

Неслучайно в обоих случаях речь идет о геоэкономическом и геополитическом лидерстве морских держав: в Средиземноморье (Венеция), в северной Атлантике, а затем почти во всем мировом океане (Великобритания). Государство там действительно выступало орудием господствовавших экономических классов, но не только и не столько для эксплуатации собственного населения, сколько для трудовой и военной его мобилизации в целях достижения триумфальных успехов на внешней арене.

Во всех остальных случаях государство было и остается самостоятельным актором, часто сотрудничающим (вплоть до слияния) с классами

основных ресурсодержателей, но никак не подчиняющимся им в качестве «орудия». Более того, при становлении абсолютистских государств и тем более персоналистских диктатур и деспотий государственный аппарат, пользуясь лояльной вооруженной силой, существенно ограничивал могущество крупных землевладельцев и буржуа, а иногда даже грабил и истреблял их (как Иван Грозный расправлялся с боярами и коммерциализованным Новгородом).

Производство материальных благ — часть социального порядка

Человеческое сознание действительно возникает в социальном и биологическом бытии, отчасти отражает, отчасти конструирует окружающий мир в восприятии, мышлении и практике, а сознание каждого индивида во многом детерминировано обретенными культурными образцами, опытом и позициями в социальном взаимодействии. В понимании этого состоит одна из важных заслуг основателей марксизма.

Возражение вызывает только тезис об исключительной, фундаментальной роли в жизни и общественном бытии таких компонентов, как производство материальных благ и сугубо экономические отношения. Вопросы безопасности, территориального контроля и могущества, политического влияния и власти, статуса, престижа, легитимности, причастности к святыням и ценностям, религиозной, национальной, культурной, этнической идентичности всегда были и остаются не менее, а зачастую гораздо более значимыми, чем материальное производство и потребление (Дьяконов 2007; Тилли 2009).

Верно, что каждое оружие должно быть произведено, каждая крепость, церковь, школа, мэрия и тюрьма должны быть построены, но производство здесь не детерминирует военные, политические, религиозные, культурные процессы, а само детерминируется ими. Примитивная схема «базис/надстройка» вновь рушится и уступает место сложному и плотному взаимодействию факторов из различных автономных сфер динамики.

Ложность теории прибавочной стоимости

Здесь нет смысла ломиться в открытую дверь и доказывать ошибочность фундаментальных положений Марксовой политэкономии. Это уже сделано видными теоретиками в данной области, такими как Й. Шумпетер, П. Самуэльсон, Дж. Кейнс, Ж. Аттали и др. Давно отвергнута трудовая теория стоимости, поскольку стоимость определяется сложной рыночной динамикой (которая выражается через колебания спроса и предложения), а вовсе не затраченными трудочасами.

Сложнее дело обстоит с тезисом об эксплуатации рабочих как присвоении капиталистами «прибавочной стоимости» и соответственно о «паразитизме» последних. Только самые догматичные и упертые марксисты способны отрицать сегодня, что предприниматели — это главные акторы капиталистического производства, соединяющие его факторы (капитал, землю, рабочую силу, идеи) в условиях рыночной конкуренции. Предпринимательский труд — большой, напряженный, рискованный и очень важный, что не исключает, разумеется, возможности и реальности чрезмерной, несправедливой эксплуатации наемных работников.

Однако, как показал Й. Шумпетер, предпринимателей следует отличать от капиталистов, особенно тех, кто не участвует в управлении и пользуется рентой — доходами от уже рутинно поставленного производства (Шумпетер 1982). Жить на ренту, не делая никакого трудового вклада, в том числе управленческого, — это действительно в каком-то смысле социальный паразитизм. Запретить, пытаться искоренить его — значит нарушать права граждан распоряжаться своими активами, оставлять их в наследство детям и внукам, в том числе давая им возможность вообще не трудиться. Здесь принципы справедливости, равенства возможностей вступают в противоречие с экономическими свободами и правами. Проблема остается актуальной по сию пору, активно обсуждается в философии права, политической философии, этике, по-разному практически решается в разных обществах.

Учсть прогресс в теории революций

В теории социальной революции Маркс сводил ее причины к противоречию между производительными силами и производственными отношениями, а также к конфликту между эксплуататорами и эксплуатируемыми. В современных теориях революции (традиция Б. Мура, Т. Скочпол, Дж. Голдстоуна и др.) такими причинами признаются геополитика, делегитимация власти и режима, слабость правительства, бюджетный дефицит и фискальный кризис, конфликт между государственным классом и ресурсодержателями, а также демографический рост, процессы модернизации и урбанизации. О многих этих факторах Маркс знал, упоминал (в своих терминах) при конкретном анализе революций, но в качестве приводящих конкретно-исторических обстоятельств, а в главную теоретическую концепцию революций не включал.

Социальные революции действительно нередко устраняют ставшие неадекватными политические формы, но не являются ни единственными, ни главными факторами таких перемен. Гораздо чаще устаревшие политические режимы слабеют, терпят военные поражения, завоевываются

сильными соседями, распадаются (Mann 1987; Тилли 2009; Коллинз 2015; Скочпол 2017). Другие режимы, в которых налажена политическая коммуникация между группами интересов, оказываются более гибкими и меняются посредством реформ, пусть и с зигзагами, через пробы и ошибки. Также типичными являются совмещения революционных попыток и реформ. В «Весне народов» 1848–1849 гг. революция победила только во Франции, однако во многих германских государствах (включая Австрию), несмотря на поражение радикальных революционеров, были проведены важнейшие политические реформы в направлении демократизации.

Амбивалентность социальной онтологии Маркса

Оценка социальной онтологии Маркса не может быть однозначной. Прокламируемое деление всей социально-исторической сферы на «общественное бытие» и «общественное сознание» странно уже тем, что экономические отношения почему-то объявляются «материальными». Ясно, что ни чувственным восприятием, ни техническими приборами «материальность» этих отношений никак не может быть зафиксирована. Сам тезис об их «материальности» может быть объяснен разве что пылом борьбы за «материалистическое понимание истории» против популярного тогда философского идеализма.

Странным также представляется тот факт, что гегельянец Маркс пренебрег одним из важнейших интеллектуальных достижений Гегеля — открытием *особой онтологической сферы социального* (включающей семью, гражданское общество и государство, то есть *институты* в современной терминологии), которую Гегель обозначил как «объективный дух». Гегель в этом отношении существенно превзошел концепцию «трех миров» Поппера. Поппер не сумел выделить онтологическую специфику социального из «первого» (материального) мира, а Гегель сумел.

Тем не менее Маркс, принимая в философии крайне упрощенную схему разделения бытия и сознания, в своем анализе главных категорий политэкономии и философской антропологии («товара» и «сущности человека») формулирует весьма глубокие мысли об их природе как «совокупности общественных отношений» (см. 1-й том «Капитала»). Но структуры социальных взаимодействий, отношений, институтов, организаций как раз и составляют невидимые, но совершенно реальные сущности в *социосфере* как специфической сфере бытия наряду с материальным миром, *психосферой* (индивидуальная и групповая психика) и *культуросферой* (образцы сознания и поведения, отчужденные плоды творчества, транслируемые в сменяющихся друг друга поколениях) (Розов 2016: 14-19).

Четырехчастная социальная онтология: развитие концепции Гегеля

В отношениях между четырьмя «мирами» (сферами бытия) действительно можно выделить некую обязательную платформу (онтологический базис) — материальный мир, тогда как остальные три являются надстроечными: об их существовании без материальных носителей и материальной среды ничего не известно, потому и говорить об этом не следует (согласно заключительному афоризму «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна).

При этом сам материальный мир не то, что без психики, социальных структур и культурных образцов, но и без жизни вполне себе обходится. Часть этого материального мира преобразуется людьми во «вторую природу» уже согласно транслируемым в поколениях культурным образцам, воспроизводимым социальным отношениям через идеи, цели, интересы, желания ныне живущих людей.

Психосферу и социосферу можно считать «первичными» в отношении культуросферы, поскольку первые два «мира» уже весьма развиты у вышших стайных и стадных животных, тогда как их «культура» (передающиеся экстрасоматически образцы охоты, защиты, знаков оповещения, пения и других способов привлечения половых партнеров) остается на сравнительно примитивном уровне. Человеческий язык как центральная система трансляции культурных образцов радикально перестраивает психику и социальные отношения, что делает возможным сосредоточение группового, а потом и индивидуального внимания на ситуациях вне «здесь-и-сейчас», на прошлом, будущем и отдаленном в пространстве, на абстрактных, невидимых предметах, а это и означает появление собственно человеческого сознания.

Еще сложнее вопрос об отношениях между сферами экономики, политики, насилия, престижа, солидарности/конфликта, которые были в центре внимания главных столпов макросоциологии: Маркса, Вебера и Дюркгейма. Выше уже говорилось, что ранжировать их в схеме «базис/надстройка» не следует. Но это вовсе не значит, что они всегда равнозначны. Действительно, известны эпохи, когда военные вожди сосредоточивают в руках власть, богатство, престиж. В другие эпохи на вершине иерархии находятся военно-политическая знать и священство, тогда как торговцами, ремесленниками, ростовщиками помывают и их презирают. Были периоды, когда знаменитыми и наиболее влиятельными становились памфлетисты, писатели, философы, разного рода идеологи. Известны режимы, где доминируют чиновники, соответствующие перераспределению

тельные структуры и практики. Наконец, есть общества, в которых «правят деньги», то есть откровенно доминируют имущественные элиты.

Судя по всему, эти различия объясняются одним и тем же принципом: те сферы, где структуры устойчивы и надежно воспроизводятся в поколениях, уходят из центра внимания, деятельность по их поддержанию становится рутинной, само собой разумеющейся, тогда как конфликтные, неустойчивые, тревожные сферы всегда занимают центр внимания, считаются важнейшими, а ответственные за успех в этих сферах группы и сословия получают высшие статусы.

Так, если экономический уклад не меняется столетиями, как в аграрных обществах, то главное значение обретает принадлежность земли, а это выводит на первый план военных вождей, способных к территориальным завоеваниям.

Когда важно получить и сохранять лояльность элит и масс, мобилизовать их на войну, то почти вровень с военными поднимается священство.

Если же границы стабильны, войны стали редкими, насилие в борьбе за власть делегитимировано, но идет напряженная борьба между политическими партиями, тогда первенство получают ораторы, идеологи, лидеры претендующих на власть группировок.

Если при хорошо защищенных границах институциональная (прежде всего правовая) система общества настолько эффективна и надежна, что практически пропадает опасность потери богатства и социального положения при любых сменах политической власти, тогда значимой становится рыночная конкуренция в экономике, соревнование за престиж в областях технологии, литературы, искусства, философии, науки, спорта.

Этические и ценностные аспекты марксизма: удручающие плоды социальной практики

Прежде всего обращают на себя внимание оправдание революционно-го насилия («повивальной бабки истории»), призывы к «энергичной диктатуре» («Новая рейнская газета», 14 сентября 1848 г.), рекомендации создавать для врагов режима «особые охраняемые места» («Катехизис» Ф. Энгельса), учреждать «трудовые промышленные армии, в особенности для земледелия», ликвидировать частную собственность, семью и ввести «официальную открытую общность жен» («Коммунистический манифест»).

Какие-то проекты не заладились (ликвидация семьи и общность жен), зато другие вполне: была успешно реализована «энергичная диктатура» с национализацией всей частной собственности, массовым насилием и репрессиями, созданием «особых охраняемых мест» (ГУЛАГа и концлагерей), трудовых армий в земледелии («колхозов») и т.д.

Сомнительна популярная формула «Маркса не поняли и извратили». По крайней мере вполне правдоподобно предположение, что сами Маркс и Энгельс, если бы увидели воплощение своих идей в ленинском и сталинском СССР, в маоистском Китае, на кастровской Кубе, в полпотовской Кампучии или в кимовской Северной Корее, были бы возмущены и подавлены. Как-никак изначально Маркс и Энгельс боролись за «освобождение труда», их изначальный импульс был этическим, прогрессистским и гуманистическим. Принудительные, диктаторские, насильственные средства они считали временным и необходимым периодом «родов» нового прекрасного коммунистического мира, а вовсе не продолжающимся долгие десятилетия кошмаром государственного террора. Несмотря на широко распространенное разочарование в реализации марксистских идей, сам Маркс и марксизм не только не теряют, но сохраняют и даже периодически наращивают общественное, политическое и моральное признание, причем большей частью не со стороны «угнетенных масс», а в среде интеллектуалов и политиков левого толка. В чем же дело?

Причины неувядающей популярности марксизма и его будущее

Недостаточным представляется объяснение Шумпетера, считавшего, что успех марксизма как «подделки под религию» обусловлен его мимикрией под научный анализ, авторитетный благодаря рационалистическим тенденциям эпохи (Шумпетер 1982). Рационализм уже давно не является мейнстримом в мировоззрениях элит и масс, однако привлекательность марксизма не угасает.

Загадка имеет два основных решения. Во-первых, Маркс — главный признанный *классик критики капитализма и борьбы с капитализмом*. Левые интеллектуалы хоть и разочаровались в государственном социализме советского типа, но остаются стойкими противниками капитализма, неустанно предсказывают его упадок, уповают на некое (весьма туманное) некапиталистическое устройство, которое придет на смену этому «царству наживы и отчуждения». В роли пророка «конца капитализма» Маркс незаменим, а классические труды марксизма навсегда останутся в качестве «священного писания».

Во-вторых, марксизм твердо ассоциируется с борьбой за социальную справедливость, против классового неравенства, эксплуатации человека человеком, порабощения. Поскольку люди продолжают стремиться к повышению своего социального статуса, как правило, через карьеру, обогащение, принадлежность к власти, элитам, поскольку естественным образом складываются положительные обратные связи (богатые богатеют,

бедные беднеют), то классовая поляризация, та или иная мера эксплуатации, социальной несправедливости всегда будут иметь место, несмотря на все реформаторские попытки ограничений и уравнивания. А это означает *неизбывность спроса на справедливость*, которая питает и всегда будет питать высокую посмертную репутацию Маркса, появление все новых и новых приверженцев марксизма.

Труднее судить о значимости марксизма для развития философии, социальных наук вообще и исторической макросоциологии в частности. Марксу и Энгельсу мы обязаны первой серьезной попыткой создать *теорию истории* на научных основаниях, причем с опорой на эволюционный подход, сложные динамические взаимодействия разных сфер общественного бытия, с особым вниманием к социальным конфликтам, борьбе как значимому источнику развития, темам господства и эксплуатации, материальным основам жизни. Эти темы всегда будут важнейшими ингредиентами макросоциологических исследований.

Ортодоксальный, догматический марксизм останется преимущественно левой идеологической доктриной, вечным флагом борьбы с капитализмом.

Живой, расширенный и углубленный марксизм, освобожденный от очевидных ошибок, идеологизации и радикализма, обогащенный за счет интеграции с другими фундаментальными философскими и макросоциологическими теориями, с результатами продолжающегося прогресса в историческом познании, возможно, перестанет быть привычным марксизмом, даже перестанет так называться, но превратится в неоспоримую платформу общей социальной теории. Но такова завидная судьба для любого учения.

Литература

Голдстоун Дж. (2015) *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Джонсон А., Эрл Т. (2017) *Эволюция человеческих обществ: от добывающей общины к аграрному государству*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Дьяконов И. М. (2007) *Пути истории: от древнейшего человека до наших дней*. М.: КомКнига.

Коллинз Р. (2015) *Макроистория. Очерки социологии большой длительности*. М.: УРСС.

Коллинз Р. (2002) *Социология философов: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск: Сибирский хронограф.

Маркс К. Предисловие к критике политической экономии. Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* 2-е изд. Т. 13: 5–9.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.

Розов Н. С. (2002) *Философия и теория истории. Книга первая. Прологомены*. М.: Логос.

Розов Н. С. (2009) *Историческая макросоциология: методология и методы*. Новосибирск: НГУ.

Розов Н. С. (2016) *Идеи и интеллектуалы в потоке истории*. Новосибирск: Манускрипт.

Скочпол Т. (2017) *Государства и социальные революции. Сравнительный анализ Франции, России и Китая*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Тилли Ч. (2009) *Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992 гг.* М.: Территория будущего.

Шумпетер Й. (1982) *Теория экономического развития*. М.: Прогресс.

Mann M. (1987) *The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D.1760*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Moore B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.

Snooks Gr. (1996) *The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change*. L.; N.Y.: Routledge.

Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago; L.: The University of Chicago Press.

TO TRANSFORM MARXISM BY FOLLOWING MARX

Nikolai Rozov (nrozov@gmail.com)

Institute for Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russia
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Citation: Rozov N.S. (2018) Preobrazovat' marksizm, sleduya Marksu. [To transform Marxism by following Marx]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(5): 24–43 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.5.2>

Abstract. Marxism remains a living doctrine, and therefore it must change. The main intellectual strategies of K. Marx and F. Engels are highlighted: 1) criticism of the current mainstream, well-established and popular beliefs; 2) a bold combination of ideas, intellectual traditions that previously seemed incompatible, 3) usage, inclusion in the theory of the latest scientific concepts. Applying these strategies to Marxism itself implies

criticism of its philosophical and theoretical foundations, combining Marxist ideas with models and theories of other macrosociological traditions that seemed incompatible with Marxism (primarily Weberianism and Durkheimianism); usage of the latest scientific knowledge, in particular, in the areas of social evolution, economic exchange and markets, the theory of the genesis and development of states, social crises, and revolutions. The importance of material production for social processes and historical dynamics is not denied, but along with this factor there are always others, no less, and sometimes more powerful ones. Dühring argued rather naively in favor of his thesis of the primacy of power and violence. The Engels's counter-arguments are smart and sometimes sophisticated but should be revised. The analysis of social relations implicitly hidden in 'property' shows the fundamental nature of not only order, power and violence relations that reinforce property, but also the importance of normative cultural patterns and psychological attitudes. Technological progress loses the status of the main driver of historical dynamics and social evolution, it remains a very important factor, but only among other no less significant drivers of change. Social revolutions quite often eliminate the political forms that have become inadequate, but they are by no means the only, or the main, factors of such changes. The state is not at all an "instrument" of the class of exploiters (feudal lords, capitalists). The state and the state class (officials) are almost always an independent subject with their own interests, world vision, and resources. Marxism is firmly associated with the struggle for social justice, against class inequality, against the exploitation of man by man, against enslavement. As far as people continue to strive to improve their social status, class polarization, this or that measure of exploitation, social injustice always take place, and break through all attempts at restrictions and equalization. This means the inescapability of the demand for justice, which nourishes and will always nourish the high posthumous reputation of Marx, the emergence of more and more devotees of Marxism.

Keywords: marxism, social ontology, economcentrism, political economy, basis and superstructure, property relations, the role of violence in history, the essence of the state, technological progress, social justice.

References

- Collins R. (2002) *Sotsiologiya filosofii: global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of Philosophies: The Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf (in Russian).
- Collins R. (2015) *Makroistoriya. Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Siciology of the Long Run]. Moscow: URSS (in Russian).
- Dyakonov I. (2007) *Puti istorii: Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei* [The Paths of History. From Archaic Human to Our Days]. Moscow: KomKniga (in Russian).
- Goldstone J. (2015) *Revolutsii. Ochen' kratkoe vvedenie* [Revolutions: A Very Short Introduction]. Moscow: Institute of Gaidar Publ. (in Russian).
- Johnson A., Earl T. (2017) *Evolutsiya chelovecheskikh obshchestv: Ot dobyvayushchei obshchiny k agrarnomu gosudarstvu* [The Evolution of Human Societies: From Foraging Group to Agrarian State]. Moscow: Institute of Gaidar Publ. (in Russian).

Mann M. (1987) *The Sources of Social Power. Vol. I: A History of Power from the Beginning to A.D.1760*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Marx K. Predislovie k kritike politicheskoi ekonomii [Preface to the Critique of Political Economy]. In: Marx K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings] 2nd ed. vol. 13: 5–9 (in Russian).

Marx K., Engels F. Nemetskaya ideologiya [The German Ideology]. In: Marx K., Engel's F. *Sochineniya* [Writings] 2nd ed., vol. 3 (in Russian).

Moore B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.

Rozov N. S. (2002) *Filosofiya i teoriya istorii. Kniga pervaya. Prolegomeny* [Philosophy and Theory of History. The First Book. Prolegomena]. Moscow: Logos (in Russian).

Rozov N. S. (2009) *Istoricheskaya makrosotsiologiya: metodologiya i metody* [Historical Macrosociology: Methodology and Methods]. Novosibirsk: Novosibirsk State University (in Russian).

Rozov N. S. (2016) *Idei i intellektualy v potoke istorii* [Ideas and Intellectuals in the Stream of History]. Novosibirsk: Manuscript (in Russian).

Shumpeter I. (1982) *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of Economic Development]. Moscow: Progress (in Russian).

Skocpol Th. (2017) *Gosudarstva i sotsial'nye revolyutsii* [States and Social Revolutions] Moscow: Institute of Gaidar Publ. (in Russian).

Snooks Gr. (1996) *The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change*. London; New York: Routledge.

Stinchcombe A. (1987) *Constructing Social Theories*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva, 990–1992 gg* [Coercion, Capital, and European States, 990–1992]. Moscow: Territoriya budushchego (in Russian).